

Темушев С. Н. Жизнь и творчество в двух измерениях и эпохах (Как сопровождение переиздания монографии советского слависта академика Н. С. Державина). С. Н. Темушев // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск: БГУ, 2009. — С. 369-377

С. Н. Темушев

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО В ДВУХ ИЗМЕРЕНИЯХ И ЭПОХАХ (Как сопровождение переиздания монографии советского слависта академика Н. С. Державина)

В развитии исторической науки чрезвычайно важным является обращение к творческим достижениям историков (и не только) прошлых лет: многие незаслуженно забытые исследования и столетней давности оказываются очень созвучными современному пониманию «вечных» проблем истории, в какой-то степени предвосхищают настоящее обращение к ним и даже, возможно, их постижение грядущими поколениями исследователей. Разумеется, изучение почти любой научной проблемы в области истории сегодня начинается не с «чистого листа». Еще на рубеже XIX—XX вв. известный историк В. И. Герье заметил, что «наука история состоит в совокупности субъективных усилий...» [1, с. 151]. Поэтому каждое новое поколение историков все более и более «погружается» в своих конкретных исследованиях в научное наследие предшественников. И важно, чтобы доступ к нему был беспрепятственным, чему в немалой степени способствует переиздание обветшавших от долгого хранения в библиотеках трудов. В то же время подходить к этому делу необходимо крайне осторожно. Потребность в переиздании должна быть обусловлена уважением к творческому наследию того или иного автора, сохранением научной значимости их трудов или актуальностью рассматриваемых проблем в современных условиях.

В настоящее время готовится переиздание работы советского слависта академика Н. С. Державина «Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского», впервые изданная массовым тиражом в годы Великой Отечественной войны. Для тогдашнего уровня изучения проблемы этногенеза восточных славян она имела вполне определенную ценность, обобщив накопленный материал. Правда, даже в то время она не внесла в постижение всего многообразия вопросов, по сути, ничего нового. В наши дни новое тиражирование этого труда может восприниматься скорее как прихоть издателя, нежели возможность углубить познания этнического развития белорусского, русского и украинского народов. О том, что первый тираж этой небольшой по формату книги был мало востребован заинтересованным читателем, говорит хотя бы факт ее распродажи в 2008 г. фундаментальной библиотекой БГУ, как залежавшейся, по «копеечной» цене.

В то же время сама проблема этногенеза славян была и остается и научно, и политически острой. Вот только совместить эти два направления всегда было крайне сложно. Избранная академиком парадигма более всего была подчинена решению второй задачи-направления. И сегодня «славянский вопрос» под разными углами зрения и с разной компетентностью и

Темушев Степан Николаевич — доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

научно, и популярно «препарируется» в самых разных публикациях. Книжные магазины все более заполняются в лучшем случае популярными, а чаще всего псевдонаучными работами в духе Носовского-Фоменко. В то же время чувствуется явный дефицит серьезных исследований по славистической тематике. Конечно, нельзя «от порога» отметить накопленное в прошлом человеческой мыслью, если даже те или иные работы кажутся явно устаревшими или заполитизированными. Всякая работа имеет свои достоинства и недостатки, отражает специфику времени своего создания. А уже поэтому обязана быть включенной в канву современного исследования. И если уж издатель готов затратить определенные средства на переиздание литературы, могущей, по его мнению, найти спрос, подобные работы должны сопровождаться специальным научным комментарием, способным сориентировать читателя, дать ему повод для размышлений как о сложности и незавершенности изучения проблемы, так и ее познавательной ценности.

Именно с этой точки зрения авторы сочли необходимым дать в отдельной публикации и экскурс в биографию и творчество советского академика Н. С. Державина и обозначить некоторые основные научные принципы, которыми руководствовался автор работы, готовящейся к переизданию. А тем самым попытаться в какой-то степени компенсировать отсутствие в ней современного комментария.

Николай Севастьянович Державин (1877—1953) начал свою научную и педагогическую деятельность еще в дореволюционный период. Довольно рано определился круг его научных интересов, которым он будет следовать всю свою долгую жизнь: проблемы развития славянства в различных аспектах — лингвистическом, этническом, политическом. Его жизнь в науке как бы зеркально отразила культурный излом, который пережила Россия: одна ее половина пришлась на становление Н. С. Державина как ученого в условиях императорской России, а другая — на вновь же становление, но уже как советского ученого.

Детство Н. С. Державина прошло в приазовском болгарском селе Преславе (тогдашняя Таврическая губерния). Это объясняет его хорошее знание болгарского языка, что пригодилось ученому в дальнейшей профессиональной деятельности. После блестящего окончания симферопольской гимназии Н. С. Державин учился в Петербургском историко-филологическом институте, а затем в Историко-филологическом институте Безбородко в Нежине (с 1897 г. по 1900 г.). Провинциальному студенту после завершения образования оказалось крайне сложно найти свое место в научных кругах, но в это время ему оказал поддержку известный харьковский славист, один из основателей болгаристики М. С. Дринов. Продолжавшиеся научные изыскания Николай Севастьянович сумел превосходно совместить с педагогической деятельностью. В начале XX в. он преподавал русский язык и литературу в Батумской гимназии, затем в Первой гимназии г. Тифлиса. Впоследствии об этом периоде деятельности ученого советский авторитет-лингвист академик Н. Я. Марр, которого называют учителем Н. С. Державина, писал: «Молодой педагог Н. С. Державин, специалист по русскому языку и литературе, без всяких научных связей в Петербурге, должен был найти выход на месте, в Тифлисе, в самый разгар культурных гонений на национальные языки Кавказа. Как ряд русских, преподававших свой родной язык грузинам (надо сказать к их чести — с чутким вниманием к национальному чувству учащихся), Н. С. Державин не вступил в фалангу русификаторов, и в рамках русификаторской научной организации учебного округа, вне навязывавшейся им великодержавной тенденции преподаватель русского языка занялся этнографией и поместил шесть очерков по ней о гурийских грузинах, об артвинских армянах, о малоазийских греках, об абхазах, о казаках Кубани, частью в "Материалах для описания местностей и племен Кавказа" и частью в "Известиях Кавказского отделения Русского географического общества"» [2, с. 12—13].

Наряду с педагогической деятельностью, Н. С. Державин все более втягивается в научно-исследовательскую работу. На молодого ученого обратили внимание. В 1903 г. от Академии

наук он был командирован в Турцию и Болгарию. В Стамбуле активно работал в богатой библиотеке Русского археологического института и был даже избран его членом-корреспондентом. В Болгарии Николай Севастьянович накапливал материалы по болгарской этнографии и языку, изучая фонды библиотек Софии. В 1910 г. за счет средств Академии наук начинающий славист снова посетил Болгарию. К этому времени он успешно сдал магистерские экзамены по славяноведению в Петербургском университете. Особенностью второй поездки Н. С. Державина в Болгарию было применение им для записи живой речи фонографа, являвшегося в то время большой новинкой для науки. С помощью демонстрации фонозаписей ученый доказал существование в России особого болгарского диалекта с редким для собственно Болгарии звуком, названным профессором Милетичем «сильно глухим» (ъ).

Именно с болгарской тематикой были связаны первые публикации Н. С. Державина. С 1898 г. стали издаваться его работы, посвященные языку и быту болгар юга России (в 1898 г. — «Очерки быта южнорусских болгар», в 1900 г. — «У болгар в Таврической губернии», в 1901 г. — «Русские буры», в 1902 г. — «Звуковые особенности говора болгар-поселенцев Бердянского уезда Таврической губернии»). Эти работы, а также практический опыт, приобретенный в ходе поездок, были обобщены в двух капитальных трудах: «Болгарские колонии в России. Материалы по славянской этнографии» (София, 1914) и «Болгарские колонии в России. Т. 2. Язык. Обзор говоров. Общие итоги, выводы и наблюдения. Тексты» (Пг., 1915). В 1916 г. за второй том Н. С. Державин получил в Петроградском университете степень магистра славянской филологии [3, с. 371].

Необходимо отметить, что его труды неоднозначно воспринимались в научных кругах, более того — последняя работа встретила очень острую критику. Позднее советские историки объясняли это отстаиванием молодым ученым идей, исходивших от живой речи, и поэтому абсолютно неприемлемых для всей массы специалистов-лингвистов. Тот же Н. Я. Марр отмечал, что только благодаря поддержке выдающегося российского источниковеда, лингвиста и историка А. А. Шахматова, «ценившего Державина за его широкую установку исследования языка от живой речи и комплексно, с учетом этнографических данных», тот был удостоен ученой степени [2, с. 14—15].

В дореволюционный период совершенствовалось мастерство Н. С. Державина как педагога. Во время преподавания в Тифлисе он стал организатором «Общества народных университетов» и Союза кавказских педагогов. В Петербурге продолжилась педагогическая работа ученого, при этом он выступал и как практик, и как теоретик: в 1912—1917 гг. являлся приват-доцентом Петербургского (Петроградского) университета, одновременно преподавал в 11-й, затем 6-й гимназиях столицы русский язык и словесность. Итог его учительской деятельности был подведен в опубликованной в 1917 г. книге «Основы методики преподавания русского языка и литературы в средней школе». В том же году Н. С. Державин был избран профессором кафедры славяноведения Петроградского университета.

Именно талант Н. С. Державина как педагога-организатора, педагога-методиста и практика был прежде всего востребован после Октябрьской революции. Он стоял у истоков формирования советской школы, быстро нашел свое место в новых условиях: являлся заведующим одной из трудовых школ Петрограда, одновременно возглавлял ряд отделов и комиссий Политпросвета Петроградской области, выступал настойчивым пропагандистом новой орфографии. В 1918—1923 гг. им был опубликован ряд

методических трудов, которые способствовали оформлению советской педагогики. Эта и другая его деятельность закрепляла за ним репутацию человека, абсолютно лояльного новой власти. Более того, Н. С. Державин стал наиболее активным организатором в Петроградском университете «группы левой профессуры», вытеснявшей из высшей школы ученых с независимым мышлением или не разделявших мнение о законности новой власти. На этих ученых вешался ярлык «реакционности». Шел процесс советизации высшей школы, на которую в стране с утверждавшейся

официальной марксистской идеологией переносился принцип классовой борьбы. Сам этот процесс часто приобретал характер физического устранения «чуждых элементов». В революционном переустройстве высшего образования и науки советская власть в одной «логической» цепочке совместила теорию классовой борьбы, красный террор, «философский пароход». А в целом — шло возвращение конформистски воспитанной и обученной «новой» интеллигенции.

Вполне закономерным явилось назначение Наркомпросом (май 1922 г.) Н. С. Державина первым советским ректором Петроградского университета. Эту должность он занимал в течение трех лет — до мая 1925 г. Ему принадлежит решающая роль в реорганизации университета в русле новых идеологических установок советской власти. В то же время Н. С. Державин возглавлял преобразованный по его же инициативе Институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) (в 1930 г. переименован в Институт речевой культуры). Трудно однозначно оценить роль этого научно-исследовательского учреждения в развитии лингвистики и литературоведения. В советском государстве теория классовой борьбы закономерно проникла в гуманитарные науки и даже в область языкознания. Марксистская теория, диалектико-материалистический метод, теория классовой борьбы не только деформировали научное понимание языковых, а вслед за ними и этнических процессов, но и приводили к регрессу в области гуманитарных знаний. Это также видится закономерным в условиях вытеснения «старых специалистов» и приобретения влияния людьми, преданными новой власти, но прикрывающими модной революционной фразеологией свою научную несостоятельность. Вульгаризация гуманитарных наук нашла выражение в господстве в области языкознания теории автохтонного стадийного развития языков (глоттогенической теории) Н. Я. Марра, а в исторической науке — школы М. Н. Покровского.

Что касается научной работы Н. С. Державина первого десятилетия после 1917 г., то для этого периода характерно возвращение ученого к дореволюционным наработкам и увлечение различными вопросами филологии. Так, в печатном органе ИЛЯЗВ «Язык и литература» были опубликованы его статьи по вопросам албановедения, которым он занимался в период командировок от Академии наук. Было напечатано и старое исследование ученого «Следы древнегрузинских цеховых организаций по данным современной этнографии». И эта работа вновь была высоко оценена Н. Я. Марром [2, с. 13]. В тот же период появился ряд работ Н. С. Державина по истории русской литературы. Ученого интересовали самые различные темы: язык и орфография А. С. Пушкина, стиль В. Г. Короленко, «Фрегат Паллада» И. А. Гончарова, «Былое и думы» А. И. Герцена, феномен «Мертвого дома» в русской литературе XIX в., произведения А. Н. Островского, В. Г. Белинского, Н. С. Тургенева, А. И. Герцена, М. В. Ломоносова. Можно отметить, что во всех работах ученый выступает как филолог, лингвист, этнограф, но не как историк. И в более ранний, и в последующий периоды основные работы Н. С. Державина были связаны с изучением литературы и фольклора: «Литература независимой Польши» (1916), «Мицкевич и Герцен» (1927), «Перун в славянском фольклоре» (1932), «Творчество Т. Г. Шевченко в его историческом и идеологическом окружении» (1932).

Положение Н. С. Державина — заметной фигуры в советской науке и высшей школе — обязывало его принимать активное участие в деятельности общественных организаций. С 1922 г. по 1928 г. он являлся депутатом Ленсовета, в одну из сессий которого был членом исполкома совета. В те же годы ученый стал одним из организаторов Секции научных работников Союза работников просвещения, несколько лет он входил в состав ее центрального совета в Москве.

Уже в 1928 г. по предложению Н. Я. Марра кандидатура Н. С. Державина была представлена для выдвижения в члены Академии наук. Но у тогдашней академической элиты нашелся формальный предлог отклонить выдвижение ученика, столь обласканного властью академика. Н. С. Державин был отстранен вследствие заявления Е. Ф. Карского о том, что уже и

так есть два академика-слависта [4, с. 355]. Тем не менее в 1931 г., вновь по представлению академика Н. Я. Марра, Н. С. Державин все-таки был избран действительным членом Академии наук СССР. Он шел на выборы, даже не являясь членом-корреспондентом: благодаря мощной поддержке всесильного тогда творца «нового учения о языке» выборы превращались в формальность. В переписке двух ученых того времени (Г. А. Ильинского и Б. М. Ляпунова) прямо прозвучала нелестная для Н. С. Державина мысль, что «избрание этого политического и научного спекулянта предрешено» [цит. по: 4, с. 366]. Оставим на совести авторов подобную жесткую оценку жизненных и творческих принципов нового советского академика.

В составленной Н. Я. Марром «Записке об ученых трудах Н. С. Державина» особо подчеркивалось значение его работ по «новому учению о языке» — «яфетидологии». Это «учение» и легло в основу монографии Н. С. Державина «Происхождение русского народа: великорусского, украинского, белорусского», которая была востребована властными идеологами и издана отдельной книгой в 1944 г. Рассмотрим теоретические основы концепции слависта, что позволит определиться и в понимании властных установок на разработку «в нужном направлении» данной проблемы. А она в очередном глобальном противостоянии «востока — запада» была вновь донельзя актуальной политически.

«Новое учение о языке» зародилось еще в дореволюционный период, но окончательно оформилось в 20-е гг. XX в. в трудах Н. Я. Марра. Основной мыслью этого исследователя являлось утверждение о том, что генезис языков проходил не по линии лингвистического дерева, как на том настаивала классическая индоевропеистика, а, напротив, путем смешения и «скрещивания» языков. Отсюда следовало, что все народы возникали автохтонным путем (эта идея наиболее выразительно представлена в публикуемом труде Н. С. Державина). Согласно учению Н. Я. Марра, язык, культура, раса, религия и т. п. — это исторические категории, при этом культура и языки являются к тому же классовыми по своей сути [5, с. 53; при рассмотрении глоттогенической теории использована монография Н. Н. Юсовой: 6].

Н. Я. Марр отрицал существование генетически этнических культур: по его мнению, существовала только «культура человечества определенных стадий развития», которая была единой по происхождению. Культурные же особенности, по мысли ученого, по своему характеру и происхождению были «не местно-национальными, а реально-классовыми» [7, с. 236]. Предметом исследования историков должны были быть не специфические линии развития отдельных культур, а универсальные стадии культурного развития. Это соответствовало основной идее школы М. Н. Покровского, требовавшей прежде всего изучать этапы общественного развития, общие для истории всех народов, независимо от отличий между ними. Перманентный процесс изменений первоначально единой культуры якобы был обусловлен социально-экономическими сдвигами. Так, по

мысли Н. Я. Марра, праисторические языки, которые он называл яфетическими, трансформировались в индоевропейские в результате открытия и начала широкого использования металлов [8, с. 325—326]. В представлении автора, яфетические языки — это не отдельная этническая семья, а особый этап в развитии всех языков, соответствовавший определенной ступени социально-экономического развития. Индоевропейские, тюркские, финно-угорские или другие языки возникли из яфетических языков при переходе на новую глоттогеническую стадию вследствие возникновения новых социально-экономических условий [6, с. 183].

Предложенная Н. Я. Марром теория, очень слабая в научном отношении, в то же время соответствовала идеологии большевистского интернационализма с ее прогнозом будущего «слияния наций». Только поддержка новой власти позволила этому учению приобрести статус «единственно правильной революционной марксистской теории» в языкознании. Новая государственная идеология требовала культивировать не национальное, а классовое и интернациональное самосознание [4, с. 146]. Совершенно созвучной этому стала «яфетическая теория», полностью отрицавшая все предшествующее языкознание.

Н. С. Державин, представлявший официальную советскую науку, безусловно, должен был взять на вооружение теорию своего покровителя и протекции. Возможно, это и стало условием его вознесения на советский научный олимп. Между лингвистами доверительные отношения сложились достаточно рано. Еще в 1924 г. по представлению Н. Я. Марра, Н. С. Державин получил должность второго заместителя директора РПБ (Русской публичной библиотеки), в которой ему было поручено руководство административно-хозяйственной и финансовой деятельностью. Кроме того, в функции ученого вошли и чисто библиотечные вопросы: участие в комплектовании иностранной периодики, выделение краеведческих фондов, наблюдение за славянскими фондами, руководство издательской деятельностью библиотеки и др. Занимая должность заместителя директора РПБ, Н. С. Державин выступил с инициативой создания отделения «Славика», в котором предлагал собрать издания на западнославянских и южнославянских языках. В начале 1929 г. отделение было создано во главе с самим его инициатором, для чего была оставлена должность заместителя директора РПБ. Но уже в сентябре 1930 г. на основании постановления Комиссии по чистке аппарата ПБ отделение «Славика» было ликвидировано. Н. С. Державин работал консультантом РПБ до июля 1931 г., когда президиум Академии наук СССР поручил ему организовать и возглавить Институт славяноведения в Ленинграде. Институт просуществовал только до 1934 г, хотя успел опубликовать два тома трудов, в которых особое внимание уделено теории Н. Я. Марра. Внеаучное, через государственно-партийные рычаги, продвижение «нового учения о языке» приводило к вытеснению из науки и высшей школы носителей академических традиций. В науке (причем в ее высшем эшелоне) оказывались люди, быстро усвоившие некоторые простейшие положения марксистской доктрины, а также ученые старой школы, отказавшиеся от своего прошлого и объявившие себя приверженцами марксизма [4, с. 183—184].

В довоенное десятилетие расширилась тематика славистических исследований Н. С. Державина. На протяжении 1930-х гг. он подготовил к печати ряд монографий, посвященных новой болгарской литературе (о Стояне Михайлове, об Алеко Константинове и др.), были закончены два тома «Истории Болгарии с древнейших времен до начала XIX в.». Советское славяноведение ученый представляет на международном уровне. Так, в 1929 г. он участвовал в Международном конгрессе славянских филологов в Праге, а в 1933 г. — в V Международном конгрессе историков в Варшаве.

В это время ряд российских славистов был обвинен в «реакционном панславизме», в то время как на белорусских и украинских навесили ярлык «буржуазных националистов». По «делу славистов» были арестованы и осуждены ученые-славяноведы Н. Н. Дурново (один из первых академиков белорусской АН), Г. А. Ильинский, А. М. Селищев, Н. Л. Туницкий. В таких условиях Н. С. Державина смогла спасти только верность идеям «нового учения о языке» Марра. Уже вскоре потребность государства в продолжении разработки славянской тематики привела к восстановлению славистических научно-исследовательских структур.

С началом Великой Отечественной войны деятельность Н. С. Державина еще более активизировалась. Он выступал с многочисленными публичными лекциями, докладами, статьями, брошюрами, посвященными борьбе с агрессором, деятельно участвовал в организации в Москве всеславянских митингов и митингов ученых-антифашистов. В апреле 1942 г. он был избран председателем Антифашистского комитета советских ученых. В то же время углубилась его работа по изучению этногенеза славянских народов. В том же 1942 г. президиум Академии наук СССР поручил Н. С. Державину организовать и возглавить Славянскую комиссию, включенную позже (1946) в состав восстановленного Института славяноведения. Таким образом, академик непременно находился во главе ведущих научно-исследовательских учреждений СССР, занимавшихся славянской тематикой.

В 1944 г. был опубликован основной труд Н. С. Державина — «Происхождение русского народа: великорусского, украинского, белорусского». Значимость этого труда, в полной мере

отразившего официально-партийное видение исторического прошлого восточного славянства, была оценена тем, что за него (а также за работы «Славяне в древности» и «Христо Ботев, поэт-революционер») автор в 1948 г. получил Сталинскую премию 1-й степени. В годы войны ученый возобновил свою преподавательскую деятельность: с 1941 г. до 1949 г. он являлся профессором и заведующим кафедрой славяноведения на филологическом факультете МГУ, читал лекции. Не прерывалось и его восхождение по ступеням административной карьеры: в 1942 г. Н. С. Державин был избран в члены президиума АН СССР. Удивительно, как в тяжелейших условиях военного лихолетья он мог совмещать напряженную педагогическую деятельность с исследовательской работой, активную общественную деятельность с административной работой. Вскоре после войны им была подготовлена к печати монография по древнейшей славянской истории — «Славяне в древности» (1946).

Заслуги советского академика в полной мере были оценены еще при его жизни: он был награжден орденами Станислава 2-й степени, двумя орденами Ленина, болгарским орденом св. Александра 2-й степени. Большим уважением пользовался Н. С. Державин в Болгарии, с историей и культурой которой связано большинство его исследований. В 1945 г. он в третий раз в своей жизни посетил Болгарию — был приглашен на Славянский собор в Софии, собранный по случаю торжественного празднования 67-й годовщины освобождения болгарского народа российскими войсками от турецкого ига. В ряде городов Болгарии ему пришлось читать лекции, выступать на собраниях, митингах, везде непременно встречая очень теплый прием. Деятельность ученого широко освещалась в прессе. Еще в 1944 г. Софийский университет присвоил Н. С. Державину степень доктора «honoris causa», в 1946 г. он был избран почетным членом Болгарской Академии наук. Болгарские города Свиштов и Пловдив избрали его своим почетным гражданином, а в Софии его именем была названа улица.

Изучая жизнь и творчество Н. С. Державина, можно в целом проследить перипетии становления и развития советской науки, адаптацию к новым политическим и социальным

условиям «старой» интеллигенции, ее взаимоотношениям с «новой» властью. Способность уловить политико-идеологическую конъюнктуру, подстроиться под нее, выбрать наиболее востребованные в тот или иной момент темы для исследования и провести их в «нужном» направлении или заняться вопросами, считавшимися партийным руководством «безобидными», — от всего этого и от многого другого зависела не только творческая карьера, но сама жизнь. И Н. С. Державин, как можно судить из его биографии, смог максимально высоко усвоить и освоить эти нехитрые, но трудно реализуемые принципы выживания.

Жизнь советского академика завершилась в 1953 г. вместе со сталинской эпохой. Похоронен Николай Севастьянович на Литераторских мостках в Петербурге. Н. С. Державин не был специалистом по проблеме этногенеза славян — до монографии 1944 г. у него не было серьезных научных исследований, посвященных этой проблеме, за исключением одной статьи 1931 г. [9]. Только в конце 1930-х гг. академик приступил к исследованию этого вопроса. Это обусловило то обстоятельство, что во многих своих положениях он пошел во след выводам других исследователей, прежде всего своего учителя академика Н. Я. Марра. Поэтому, естественным образом, теоретической основой монографии «Происхождение русского народа: великорусского, украинского и белорусского» явилась глоттогеническая теория, или «новое учение о языке». Правда, современные исследователи обнаруживают во взглядах Н. С. Державина явные следы дореволюционной концепции «триединства» (это нашло выражение уже в названии монографии ученого). Восточное славянство (для обозначения которого Н. С. Державин использует термин «русский народ») понималось им как «триединый русский народ». Вследствие этого вопрос об этногенезе восточных славян и у автора монографии, и у ряда ведущих советских историков довоенного периода подменялся вопросом этногенеза «великого русского народа». Возвращение к дореволюционной историографической традиции приводило к «удревнению», а тем самым к утверждению

исторических корней и единства собственно российского народа, а в целом соответствовало общей идеологической концепции возрождения российской национальной идеологии [6, с. 223].

Наряду с этим для Н. С. Державина были характерны и идеи панславизма, или идеологии славянского единства. Более того, современный исследователь А. М. Дубровский даже называет Н. С. Державина «старым панславистом», поскольку идеи общеславянского единства тот проводил еще в дореволюционных своих публикациях [10, с. 200]. Нужно отметить, что идеи панславизма в 1930-е гг. стали и советской государственной идеологией в связи с необходимостью (а таковая была прямо определена на XVII партийном съезде) противостояния нацистской идеологии пангерманизма. Историки были нацелены на показ высокого уровня социально-культурного развития славянских племен и народов в древнейший период истории [6, с. 193]. Неудивительно, что с началом Великой Отечественной войны Н. С. Державин стал одним из авторов докладной записки Государственному комитету обороны, в которой возродил свои дореволюционные взгляды на славянское единство [6, с. 254].

В полном соответствии с глоттогенической теорией Н. С. Державин представлял возникновение «русского народа» как постепенный процесс, начавшийся еще в доисторические времена и развивавшийся через межплеменные скрещивания, которые трансформировали предшествующее племенное наследие в новом племенном образовании. «Русский народ» или «русские славяне» — эти дефиниции используются ученым для обозначения восточных славян в целом. Следуя его рассуждениям, хозяйственно-экономическое и культурно-историческое развитие «русского народа» привело к постепенному сложению «трех новых этнографических и культурно-

исторических образований — великороссов, украинцев (малороссов) и белорусов, трех братских народов, образующих ... каждый в отдельности особую нацию и все вместе в своем единстве — русский народ как мощное племенное целое» [11, с. 98]. Предками «русского народа» Н. С. Державин (вслед за Н. Я. Марром) называл киммерийцев, скифов, сарматов, находившихся на доиндоевропейской, яфетической стадии развития [11, с. 10—20]. Особое место советский академик отводил в этногенезе славян трипольской культуре III тыс. до н. э., видя в ее носителях протославян. Это мнение стало едва ли не догматическим. Даже ведущий советский специалист по истории древней Руси Б. Д. Греков вынужден был в своей послевоенной монографии возвести этногенетическое начало восточных славян к трипольской культуре [12, с. 241]. Автохтонистская теория в труде Н. С. Державина приобрела гипертрофированный характер. По его мнению, «начиная с эпохи палеолита и вплоть до наступления железного века ... здесь (в юго-западной части территории Советского Союза. — С. Т.) жил один и тот же в основном ядре народ» [11, с. 7].

Уже в Киевской Руси Н. С. Державин находил начало позднейшей языковой дифференциации «единого русского народа». Ссылаясь на исследования А. А. Шахматова, он выделял три племенных субстрата будущих восточнославянских народов. Важнейшим фактором, который привел к разделению «русского народа» на три группы племен (позднее преобразовавшиеся в три народа), ученый считал процесс феодальной раздробленности [6, с. 225].

Первым с рецензией на труд Н. С. Державина откликнулся ведущий советский славист, чья деятельность была теснейшим образом связана с Беларусью, первый ректор Белорусского государственного университета, академик АН БССР В. И. Пичета. Это был признанный ученый, уделявший значительное внимание проблемам происхождения славянских народов. Одна из его статей была опубликована почти синхронно с анализируемой книгой Н. С. Державина [13, с. 3—29]. Оценка В. И. Пичеты в целом была негативной. В то же время он соглашался с мыслью коллеги-оппонента, что «восточнославянские племена составляют в целом русский народ и что в период племенных объединений не закончился процесс складывания великого русского народа» [14, с. 122]. В. И. Пичета прямо повторял мысль Н. С. Державина о том, что три восточнославянских народа «представляют собой каждый в отдельно-

сти особую нацию, а все вместе — в своем единстве — русский народ как мощное племенное целое» [14, с. 123]. Однако Владимир Иванович отмечал, что процесс формирования русского народа в действительности был более сложным и не настолько прямолинейным, как это представлял Н. С. Державин [6, с. 290].

Монография Н. С. Державина, безусловно, достаточно однозначно и политически zaangażированно трактует крайне сложную научную проблему. Современная историческая наука (и не только она) наполнена огромным разнообразием теорий и концепций понимания этно-генетических процессов как в целом, так и в связи с восточными славянами в частности. Однако и сейчас в работе Н. С. Державина можно обнаружить мысли, созвучные современному уровню знаний. К их числу следует отнести утверждение о том, что субстратом современных восточнославянских народов были летописные группы племен, получившие на этапе государственно-политического развития общее имя «Русь» [15, с. 53].

Можно подмечать неоднократно допускаемые академиком Н. С. Державиным этимологические ошибки (в рамках прямолинейного использования метода лингвистических соответствий), находить крайне поверхностное понимание этногенетических процессов. Однако для своего времени его небольшая монография была все-таки шагом вперед. На день сегодняшний она воспринимается как «продукт» своего

времени, что совершенно небезынтересно с точки зрения истории славистики, а в значительной степени — истории всей советской науки и образования, трансформации жизненных и творческих принципов советской интеллигенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цит по: *Погодин, С. Н.* Владимир Иванович Герье как историк и методолог / С. Н. Погодин // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 151 — 162.
2. Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по Отделению общественных наук, избранных в 1931 и 1932 годах. Л. : Изд. АН СССР, 1932. 230 с.
3. Славяноведение в дореволюционной России. М. : Наука, 1988. 415 с.
4. *Робинсон, М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов) / М. А. Робинсон. М. : Изд-во «Индрик», 2004. 432 с.
5. *Шнирельман, В. А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика / В. А. Шнирельман // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 42—66.
6. *Юсова, Н. Н.* «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). 2-е вид., перероб. і доп. / Н. Н. Юсова. К. :ВД «Стилос», 2006. 620 с.
7. *Март, Н. Я.* Избранные работы / Н. Я. Март. М.; Л. : Изд. АН СССР, 1933. Т. 1. 399 с.
8. *Март, Н. Я.* Избранные работы / Н. Я. Март. М.; Л. : Соцэкгиз, 1935. Т. 5. 668 с.
9. *Державин, Н. С.* Об этногенезе древних народов днепровско-дунайского бассейна. (К постановке вопроса) / Н. С. Державин // Вестник древней истории. 1931. № 1. С. 279—289.
10. *Дубровский, А. М.* «Весь славянский мир должен объединиться»: идея славянского единства в идеологии ВКП(б) в 1930—1940-х годах / А. М. Дубровский // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и материалов. Вып. 1. Брянск, 2000. С. 195—209.
11. *Державин, Н. С.* Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского / Н. С. Державин. М. : Госиздат «Советская наука», 1944. 127 с.
12. *Свердлов, М. Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX веков / М. Б. Свердлов. СПб. : Изд-во «Дмитрий Булавин», 1996. 330 с.
13. *Пичета, В. И.* Образование белорусского народа / В. И. Пичета // Вопросы истории. 1946. № 5—6. С. 3—29.
14. *Пичета, В.* [Рецензия]: Державин Н. Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского. М., 1944 / В. Пичета // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 121 — 125.
15. *Толочко, П. П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная / П. П. Толочко. СПб. : Алетей, 2005. 218 с.